

Целыми днями только и делает, что напивается до беспамятства, на кого это похоже. Отец Вэнь, едва увидев Вэнь Шанли, ужасно разозлился, а когда заметил, что та сидит рядом с Цзи Шунуань, его гнев и недовольство и вовсе удвоились. Взглянув же на притихшего Вэнь Сяньцю, который сидел за столом и раскладывал еду по тарелкам Цзи Шунуань, Отец Вэнь, не будь у него хороших манер, наверняка в гневе покинул бы трапезу — продолжать этот обед, казалось, уже не было никакой возможности. Ужин проходил в тишине: из-за присутствия Цзи Шунуань и мрачной ауры Отца Вэнь большинство гостей даже не смели лишний раз заговорить. Даже тот шумный невоспитанный мальчишка, избитый ранее до страха, теперь сидел тихо, лишь изредка бросая полный ненависти взгляд на Цзи Шунуань. Каждый раз его тут же ловили с поличным, после чего выражение лица Цзи Шунуань, не то шутливое, не то серьезное, заставляло мальчишку испуганно опускать голову.

Изначально Вэнь Сяньцю собиралась уехать сегодня же вечером, но раз уж Цзи Шунуань увязалась за ней, разумеется, по всем правилам следовало переночевать в Поместье Вэнь и только потом отправляться в путь. Прежняя девичья спальня Вэнь Сяньцю после ее замужества была перестроена и теперь служила гостевой комнатой, так что вернувшиеся девушки могли сразу поселиться в ней. Заметив, что комната, некогда принадлежавшая ей, изменилась до неузнаваемости не прошло и нескольких дней после ее зама, Вэнь Сяньцю лишь на мгновение погрузилась в тоску, но тут же вновь приняла невозмутимый вид, словно ничего не произошло.

Семья Вэнь не могла похвастаться просторными купальнями, как Семья Цзи, из-за чего Вэнь Сяньцю и Цзи Шунуань пришлось мыться прямо в комнате, используя деревянные бадьи. К счастью, в помещении имелась ширма, так что совсем уж нагишом друг перед другом они не представляли. Пока мылась Цзи Шунуань, Вэнь Сяньцю ждала снаружи. Однако когда настала очередь мыться самой Вэнь Сяньцю, Цзи Шунуань, разумеется, не стала никуда уходить. Приказав слугам сменить воду и бросив взгляд на Цзи Шунуань, которая, вытерев волосы, лениво развалилась на постели, Вэнь Сяньцю забрала с собой подсвечник за ширму и лишь после этого неторопливо сняла одежду. В комнате раздался шуршащий звук. Цзи Шунуань вовсе не собиралась подсматривать, она просто повернулась, случайно бросив взгляд вскользь, и заметила силуэт Вэнь Сяньцю за ширмой. Изумрудно-зелёная ширма заслоняла кадку для купания, смутно прорисовывая, словно через матовое стекло, движения человека внутри. Цзи Шунуань увидела, как Вэнь Сяньцю сняла одежду, а затем распустила свои длинные волосы, являя взору изящную фигуру и изгиб женского тела.

По мнению Цзи Шунуань, фигура Вэнь Сяньцю была просто великолепной. Она была высокой, что редкость даже среди жителей Вэньюаня. В одежде она казалась совсем хрупкой, но стоило ей раздеться, как обнаруживалось, что все нужные округлости на месте. Обладая природным преимуществом в росте, она к тому же имела прекрасные пропорции. Стоило той повернуться боком, как две упругие и округлые груди повисли на груди, и Цзи Шунуань, лишь бросив мимолетный взгляд, тут же отвела глаза, а её лицо запылало от жара.

Она трогала своё горячее лицо, чувствуя себя немного странно. Раньше ей доводилось не раз принимать ванну вместе с подругами, и они обнажались друг перед другом без всякого смущения, так почему же сейчас, стоило ей взглянуть на Вэнь Сяньцю через ширму, как её одолело чувство неловкости? Цзи Шунуань никак не могла этого понять, списывая всё на то, что фигура Вэнь Сяньцю лучше, чем у них всех, а если уж сравнивать, то разве что совсем чуть-чуть уступает её собственной. В конце концов, она сама всё-таки крупнее, мысленно утешала себя Цзи Шунуань, касаясь рукой груди, а затем сама по себе легла на кровать, показывая

пальцами крошечное расстояние, после чего повернулась лицом к стене, решив больше не глазеть по сторонам.

Купавшаяся за ширмой Вэнь Сяньцю услышала, как Цзи Шунуань ворочается на постели, и её замершее сердце немного оттаяло. Она поставила зажатый в руке подсвечник обратно на стол и тихонько отодвинула его подальше, после чего поскорее закончила мыться и вышла из деревянной кадки. Из-за купания железа на задней части её шеи слегка приоткрылась. Вэнь Сяньцю нашла носовой платок, чтобы прикрыть железу, и только после этого легла на кровать. Время было еще раннее, и Цзи Шунуань, естественно, не спалось. Услышав, что Вэнь Сяньцю легла рядом, она подняла голову и уставилась в потолок, обдумывая, что ей делать дальше. Сейчас она не знала, продолжает ли всё еще существовать в какой-то книге или же попала в еще более удивительный мир, вернуться из которого у нее нет никаких способов. Вне зависимости от того, древность это или современность, всё, что ей оставалось — это принять обстоятельства и обустроиться на новом месте. Она уже однажды умерла, и теперь каждый прожитый день был для нее дарованным свыше.

Чем больше они общались, тем сильнее Цзи Шунуань убеждалась в том, что Вэнь Сяньцю и есть та самая злая женщина-призрак, которая преследовала ее и пыталась убить. Теперь ее цель была предельно ясна: ей нужно лишь хорошо относиться к Вэнь Сяньцю и сделать так, чтобы та не погибла насильственной смертью. Пока Цзи Шунуань предавалась беспорядочным мыслям, ее тело расслабилось, и природные инстинкты начали бессознательно выплескиваться наружу.

Это происходило с ней уже не в первый раз. Попав в этот мир, Цзи Шунуань еще не умела контролировать собственную ауру. В душе она по-прежнему считала себя обычной женщиной, а не каким-то Тяньюанем, и, разумеется, не делала никаких различий по так называемому полу. Однако стоило ее истинной сущности вырваться наружу, как это неминуемо начинало влиять на окружающих.

Вэнь Сяньцю нахмурилась: она почувствовала, что запах, исходящий от Цзи Шунуань, становится всё сильнее. Стоило ей вдохнуть его, как тело помимо ее воли отзвало легкой дрожью. Раньше Вэнь Сяньцю не принималась к истинной природе Цзи Шунуань, ей лишь казалось, что от той пахнет перезрелым, гниющим персиком — в нем не было свежей сладости, а ощущалось лишь зловоние, пропитавшее плоть изнутри. Теперь же запах Цзи Шунуань сильно изменился: она напоминала сорванный в самый сезон спелый персик, источающий густой и сладкий фруктовый аромат. Этот запах сочился из железы на ее затылке и в мгновение ока заполнил всю комнату, став еще более насыщенным и пьянящим, чем в предыдущие дни. Утопая в этом аромате, Вэнь Сяньцю чувствовала, как ее тело против воли размягчалось. С этим было невозможно бороться — таковы были инстинкты, самое беспомощное и жалкое свойство ее природы Вэньюаня.

— Жена, от тебя слишком сильно пахнет. К тому же сегодня мы навещаем мою семью, это не совсем уместно, — в конце концов не выдержала Вэнь Сяньцю. Она заговорила тихо, и ее голос, обычно мягкий, на этот раз звучал с хрипотцой, от которой у Цзи Шунуань запылали мочки ушей.

Та повернула голову и ошеломленно посмотрела на тронутый легким румянцем профиль Вэнь

Сяньцю, только сейчас осознав, что комната насквозь пропитана запахом, который она источала сама того не ведая. Цзи Шунуань и сама чувствовала себя крайне неловко. В те дни, что она провела в современном мире, она обычно жила одна, а среди ее знакомых преобладали альфы и беты, так что ей почти не доводилось общаться с омегами тет-а-тет, и следить за своими феромонами она отвыкла. Но после перемещения в древность человеком, с которым она контактировала больше всего, оказалась именно Вэнь Сяньцю.

Когда Тяньюань и Вэньюань оказывались заперты в одной комнате, первый действительно мог бессознательно начать источать свой аромат. Это напоминало брачные сигналы животных, призыв самца к самке, открытое проявление желания. Цзи Шунуань еще не привыкла к телу Тяньюаня и часто неосознанно выпускала запах, но Вэнь Сяньцю подала голос и указала на это впервые.

Поняв, что именно собеседница имела в виду под словом неуместно, Цзи Шунуань густо покраснела и почувствовала себя донельзя смущенной. Ей ужасно хотелось сказать Вэнь Сяньцю, что она убежденная натуралка, что ей нравятся мужчины, а к самой Вэнь Сяньцю она испытывает лишь сестринскую привязанность в духе социализма да благоговейное желание держаться за сильного покровителя, и она вовсе не собиралась соблазнять ее ароматом специально. Вот только произнести эти слова было нельзя — Вэнь Сяньцю всё равно бы ничего не поняла.

— Прости, я не со зла, — пробормотала Цзи Шунуань и, смущенно зажав ладонью затылок, прикрыла слегка горячую железу, благодаря чему ей удалось немного сдержать выделение своей истинной сущности.

Ощувив, что запах в комнате заметно поблек, Цзи Шунуань наконец облегченно выдохнула.

<http://bllate.org/book/24913/2948086>